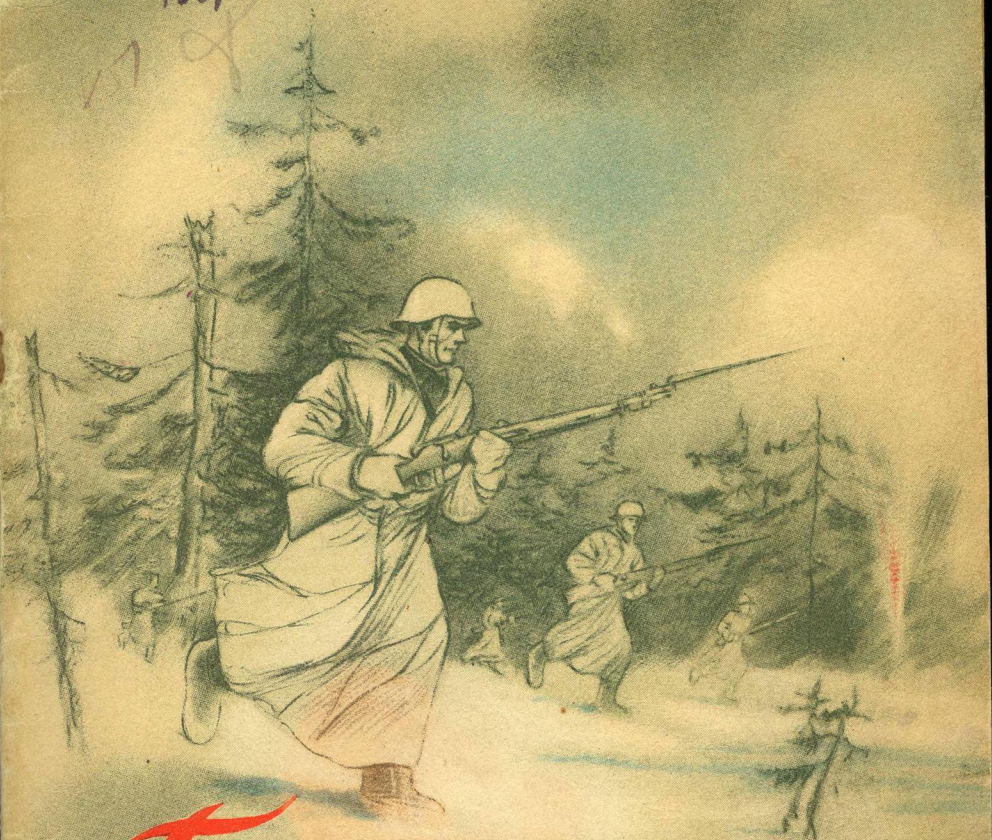

И-8585.9.

1719/збр.

АЛ. ИСБАХ

Боевые дни

25 коп.

ОГИЗ . ГОСПОЛИТИЗДАТ . 1941

V.N. Karazin Kharkiv National University

00593182

4

-9(c)1935-1941"

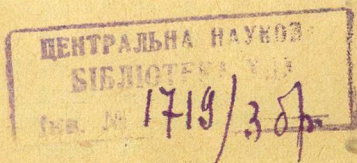
И 8565.9.

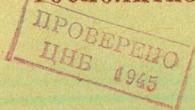
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

А.Л. ИСБАХ

БОЕВЫЕ ДНИ

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1941

Издательство просит читателей присы-
лать свои отзывы о брошюре Ал. Исбаха
«Боевые дни» по адресу: Москва, ул.
«Правды», 24, Госполитиздат. Редакции
Агитационно-Массовой литературы.

«НАЧАЛЬНИК БОЕВОГО АРСЕНАЛА»

Первыми сражениями, в которых принял участие Иван Кравченко, были знаменитые деревенские «стенки». Собственно, он тогда еще и не был Иваном. Маленький задорный батрачонок Ванька, Ванюшка Кравченко был вожаком во всех ребячьих битвах. Он врвался в самую гущу «вражеского» отряда и, ловко увертываясь от чужих ударов, во все стороны наносил тумак своиими уже в те детские годы увесистыми кулаками.

Случались в деревне и «конные атаки». На старой, видавшей виды лошади заскакивал Кравченко в самую середину чужого табуна и рубил направо и налево деревянной самодельной шашкой.

Самоделок у него было немало. Первые самопалы «системы Кравченко» были невзрачны, но при надлежащей тренировке били птиц наповал. Ваня Кравченко был главным конструктором и директором «тайного оружейного завода» и начальником «смертоносного боевого ребячьего арсенала» села Студеники на Киевщине. И не раз хозяин— кулак Петро Барабаш обламывал о бока изобретателя самые сложные его конструкции.

Отца Вани—Якова Кравченко угнали на войну. Были весточки, будто попал он в австрийский плен. Мальчик должен был сам зарабатывать свой горький хлеб и безропотно сносить кулацкие побои... Но Петро Барабаш, как он ни старался, не мог выбить из Ивана пытливости и любви к изобретательству.

Обладателем настоящего оружия Ваня Кравченко стал после революции. Ему доверили большую и почетную обязанность—выдвинули из пастухов в письмоносыцы. На почте Кравченко выдали, как официальному лицу, старый заржавленный револьвер системы «Смит и Вессон». Правда, патронов к револьверу у начальника почты не оказалось, но это ничуть не уменьшило ваниного восхищения. Кравченко разобрал револьвер, любовно почистил и смазал его и не расставался с ним ни днем, ни ночью. Когда кулака Петро Барабаша арестовали, Ваня шагнул сзади него, вынув «смертоносное оружие» из кобуры и держа на боевом взводе...

Почтальон-выдвиженец обслуживал четыре села.

Утром и вечером, зимой и летом, в распутицу и в морозы шагнул Кравченко с сумкой, нагруженной газетами и письмами, по радиусу в тридцать километров. И всюду был любимым и желанным гостем. Сельсовет подарил ему найденные у помещика замечательные беговые лыжи. И он мчался на них по лесным дорогам, по открытым долинам; быстрее ветра спускался с гор и преодолевал глубокие, занесенные снегами овраги. Сама судьба готовила его к будущим, еще никому неизвестным боям.

Шли годы. Рос авторитет Кравченко в селе. Он был секретарем комсомольской ячейки и представителем советской власти—членом сельсовета, когда наступил год призыва, 1927 год. Кравченко вступил в ряды Красной Армии и сменил старый романтический «Смит и Вессон» на прозаическую винтовку образца 1891 года.

ДВАЖДЫ ЧЕМПИОН

В Красной Армии нашел Иван Кравченко, бывший батрак, пастух и письмоносец, свое настоящее призвание. Многие пригодились здесь из его прошлой жизни: и тактика «боевых» сражений в деревенских «стенках», и упражнения в стрельбе по грачам, и хитроумные конструкции самопалов, и внимательное изучение «Смита и Вессона», и неустанная лыжная тренировка.

Кравченко был досрочно выпущен из полковой школы. Его назначили командиром отделения и за особые успехи в учебе наградили серебряными часами. Он учил других и учился сам. И каждый месяц учебы приносил ему новый опыт и новые знания.

Вскоре Кравченко послали в Киевскую пехотную школу. Он окончил ее и сменил треугольники в петлицах на квадратик командира взвода. Теперь в его подчинении находился уже не один десяток бойцов. И опять он учил людей, не забывая и о своем совершенствовании.

В полку был оборудован неплохой стрелковый кабинет. Старая страсть к оружию не покидала Кравченко. Он отдавал стрельбе все свободное время, занял первое место на полковых состязаниях и был признан полковым чемпионом. В новом полку, куда был переведен Кравченко, он воспитал десятки снайперов. Он проверял в своем взводе каждый пулемет, каждую винтовку, каждый револьвер. Во взводе все знали: пылинка в канале ствола — преступление!

Кравченко конструирует приспособление для прицеливания. Он упорно, методически, день за днем работает с бойцами. Результаты сказываются быстро: снайперский взвод, которым командует Кравченко, занимает первое место в полку, в дивизии и в корпусе.

Но одной стрельбы недостаточно. Снайпер должен быть физически силен, вынослив, он должен быть готов к долгим и трудным переходам. И Кравченко каждое утро, до начала занятий, выходит на беговую дорожку.

Первое место по бегу в полку занимал командир роты Арбузов. Всякому свое. Кравченко — чемпион стрельбы. Арбузов — чемпион бега. Однако на корпусных соревнованиях по бегу Кравченко оставляет позади всех прославленных бегунов корпуса. Он не бежит, а летит по воздуху! Откуда столько сил сохранил он к финишу? Пригодилась тренировка письмоносца: ежедневный бег на тридцать километров по радиусу. На двадцать метров обгоняет Кравченко Арбузова! Теперь он дважды чемпион — по бегу и по стрельбе.

Вскоре Кравченко получает снайперскую роту. Основной принцип Кравченко: все важно в учебе! И стрельба, и политзанятия, и тренировка на марше, и саперное дело. Снайперская рота Кравченко занимает первое место в полку по всем видам боевой подготовки.

А Кравченко уже заметил новый вид спорта. С восхищением наблюдает он за парашютистами. Покачиваясь на стропах, под голубыми куполами, парашютисты спускаются на землю.

Новый спорт пришелся Кравченко по вкусу. Он прыгает раз, другой, третий, пятый... Хорошо в воздухе!

И снова тянутся напряженные будни командира снайперской учебной роты, большевика Ивана Кравченко.

В 1938 году Иван Яковлевич Кравченко был назначен командиром батальона. Уже на следующий год батальон занял первое место в дивизии и получил переходящее Красное знамя. На осенних инспекторских стрельбах весь батальон показал невиданные успехи в стрельбе из винтовок и пулеметов—97,8% выполнения. Показатели были оценены как сверхотличные. Командир батальона Кравченко получил благодарность и был премирован.

В сентябре 1939 года часть, в которой служил капитан Кравченко, вышла к границам Польши.

НА ЛЬВОВ!

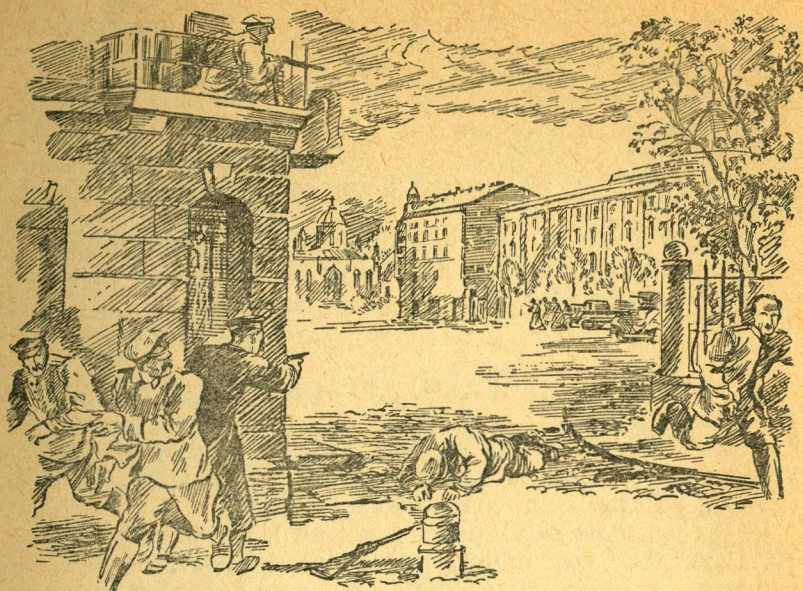
С большим интересом знакомился Кравченко с новыми местами. Часть стояла на самой границе, и не раз видели красноармейцы, как взвивалось пламя пожаров над помещичьими владениями. Непокойно было в панской Польше.

Но долго изучать местность не пришлось. Полк получил приказ перейти границу. Части Красной Армии выступили, чтобы освободить Западную Украину от ярма польских панов.

Ночь на 17 сентября была грозовой. Хлестал непрерывный дождь. Молния прорезала небо от края и до края. В пять часов утра Кравченко впереди своего батальона подошел к реке Збруч в районе села Мыслован. Батальон вброд перешел реку и двинулся дальше. Поляки попытались преградить дорогу. Батальон принял боевой порядок. Снайперы капитана Кравченко били без промаха. Было уничтожено 57 человек, четверо взято в плен.

Начался знаменитый освободительный марш Красной Армии. День и ночь двигались вперед части Красной Армии, освобождая Западную Украину. Батальон Кравченко шел в авангарде. Двигались по бездорожью, без сна, без отдыха. Преодолев небольшое сопротивление противника, вступили в Тарнополь. Подавили предательский огонь из домов и костелов и без отдыха двинулись дальше, на Львов.

Кравченко, внимательно изучавший историю гражданской войны, вспомнил, как почти двадцать лет назад на подступах к Львову стояли красные конники Ворошилова и Буденного... Их дело ныне продолжал вместе с бой-

*Батальон Кравченко вступил во Львов.
Разрозненные польские части бежали...*

цами и командирами Красной Армии и он—пехотный капитан Кравченко.

21 сентября его батальон вступил в центр города.

Разрозненные польские части бежали к румынской границе. Батальон Кравченко, уничтожая на пути отдельные офицерские банды, двигался к Яворову...

Боевые действия закончены. Части перешли на мирную учебу.

Подходили к концу дни золотой гуцульской осени. Наступила зима. Она была мягкой и теплой. Благодатный край. Из Киевщины в западные области приехали семьи командиров. Маленькая пионерка Нина Кравченко поступила в первый класс украинской школы. Совсем маленькая Люба Кравченко в первый раз произнесла слово «папа». Иван Яковлевич конструировал какой-то новый прибор для снайперской винтовки.

А газеты приносили тревожные вести. На Финляндской границе начались провокации белофиннов. 30 ноября 1939 года наши части перешли реку Сестру.

2 декабря 1939 года Кравченко получил телеграмму. Капитан переводился в Ленинградский военный округ. Это была большая радость и гордость: не забыли! Вспомнили капитана Кравченко!

В тот же день Кравченко простился с семьей и батальоном. Жалко было оставлять своих бойцов, но мыслями он был уже там, на севере. Капитан всячески сокращал путь.

5 декабря Кравченко явился в штаб Ленинградского округа и 10 декабря был направлен на фронт. 15 декабря он прибыл в один из полков 123-й дивизии.

БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ

Суровая природа Карельского перешейка. Густой заснеженный лес. Грохот артиллерийской канонады. Такого грохота не слыхивал Кравченко в Польше.

Через сугробы пробирался капитан к командному пункту. Навстречу ему стали попадаться раненые. Вскоре он услышал и свист пуль. Они пролетали совсем близко. Рвались снаряды. И вдруг что-то с силой ударило Кравченко и отбросило в сугроб. Снег и земля взметнулись к небу.

— Мина,—сказал Бодров, один из красноармейцев, сопровождавших капитана.—Счастливо отделались. Совсем рядом взорвалась.

Кравченко поднялся, стряхивая снег с полушубка. Испугаться он даже не успел, а показывать своего смущения не хотел.

— Да, война здесь серьезная,—спокойно сказал он и пошел дальше.

С фронтовой обстановкой Кравченко ознакомился быстро. И вскоре привык и к снарядам, и к минам, и к однотонной свистящей песне пуль. Его назначили командиром третьего батальона. Стояли жестокие морозы. Больно было дышать. Голос сразу стал грубым и хриплым.

Бойцы лежали на подступах к высоте 65,5—возле знаменитой «линии Маннергейма». Лежали в сорокаградусный мороз на снегу. Костры разводить запрещалось: противник был рядом. Уходили в опасные разведки, к самым огненным точкам. Возвращались обледеневшие и опять ложились на снег, на мерзлые сучья.

Кравченко приказал немедленно рыть землянки и ходы

сообщения. Земля промерзла насквозь и долго не поддавалась. Но землю сломили, сделали землянки, разместили батальон.

Капитан сразу же принялся за оружие.

Мороз. Снег. Затвор прилипает к ладони. Все это верно. Однако оружие при любой обстановке должно быть в абсолютной чистоте и исправности. *При любой обстановке!* И оружие бойцов было приведено в образцовый порядок.

Батальон сразу почувствовал железную руку капитана. Некоторые бойцы сначала ворчали. На морозе, в лесу, под пулями капитан требовал такого же порядка, как в казармах! Разве этого можно было достичь? Оказалось, что можно. И не только можно, но и необходимо. Без этого нельзя было воевать.

Капитан умел не только требовать, но и по-отечески заботиться о своих бойцах. Он приказал установить в лощине кипяtilьник, прорыть к нему ход и в жестокие морозы весь батальон постоянно имел кипяток.

Беспокоили бойцов белофинские «кукушки».

Кравченко приказал приготовить станковые пулеметы. Он методическим огнем «прочесал» лес на своем участке. «Кукушки» посыпались с деревьев.

— Обожглись,—усмехались бойцы.—Перехитрил их наш капитан...

«Наш капитан»,—так звал Кравченко весь батальон. Позже кто-то из бойцов дал капитану новое прозвище: «Чапаев». Его связного, красноармейца Бодрова, стали называть «Петькой». Бодров был доволен, а Кравченко,—что греха таить, тоже не обижался.

Батальон полюбил своего командира. Кравченко никогда не кричал, не суетился. Он требовал беспрекословного подчинения, но в то же время был другом своих бойцов, часто заглядывал к ним в землянки, беседовал, а иногда, в короткие минуты досуга, пел с ними свои любимые украинские песни.

...Вторым батальоном командовал капитан Артем Сорока. Горячий, стремительный и веселый, он сразу понравился спокойному и уравновешенному Кравченко. Они совместно вели разведку укрепленного района, советовались, готовились к решительным боям. Вскоре в их крепкое боевое содружество вошел новый командир полка—майор Иван Павлович Рослый.

Командование частью майор принял в новогоднюю ночь.

«Встречаю новый год,—писал он друзьям,—под замечательными елками, при ослепительном „фейерверке“...»

С людьми познакомился он быстро. В нем удачно сочетались командир и политработник—агитатор, массовик. Недаром майор Рослый много лет был политруком, а начинал свою военную службу рядовым бойцом. И сейчас еще помнит, как гордился первыми двумя треугольниками в петлицах... А потом—академия. Он изучал труды Ленина и Сталина, боевой опыт Фрунзе, Ворошилова, Буденного, знакомился с произведениями Энгельса, Меринга, Клаузевица.

Все это было в прошлом. Сейчас он сам вел в бой свою часть, и ему противостояли густые леса и незамерзающие болота, жестокие морозы и подземные неприступные крепости, каких не штурмовал еще ни один полководец.

Враг был хитер и коварен. Но у майора Рослого была совершенная военная техника, созданная на советских заводах. У майора Рослого были замечательные командиры и бойцы, бесстрашные сыны родины. Он вел их в бой, и они преодолевали на своем пути все преграды.

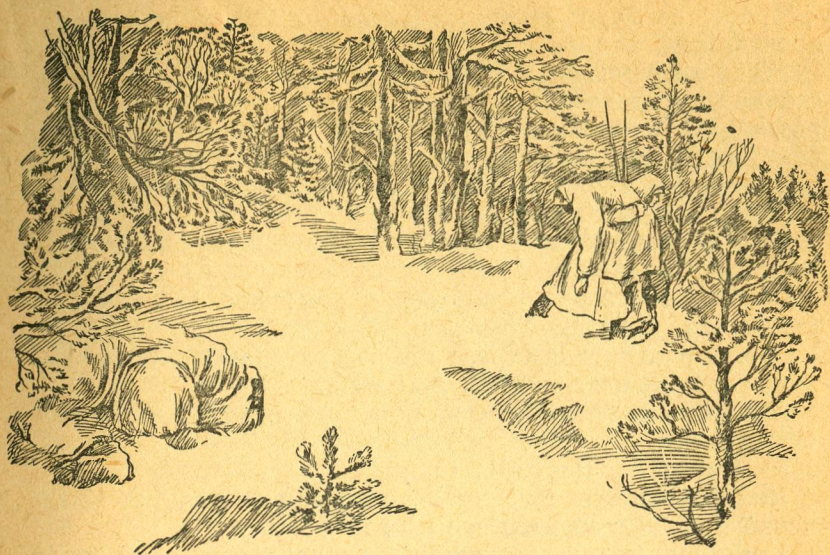
Майор был требователен, но он внимательно следил за тем, чтобы каждому рядовому бойцу были обеспечены отдых и пища. Он воспитывал людей, создавал единый сплоченный, боевой коллектив. Он неутомимо и строго следил за боевой готовностью части. Он проверил батальон Кравченко и объявил капитану благодарность за состояние оружия и заботу о бойцах.

Комбаты—капитаны Сорока и Кравченко стали лучшими друзьями и помощниками майора.

По ночам между боями на командном пункте полка над картами склонялись три головы: майора и двух капитанов. Жизни сотен людей были вверены им. Они сидели над картой и думали о том, каким путем привести своих бойцов к победе, какой путь окажется самым верным и наиболее бескровным.

...123-я дивизия готовилась к штурму «линии Маннергейма». Подготовкой к общему штурму руководил командующий фронтом командарм Семен Константинович Тимошенко.

Полк занял исходное положение перед высотой и рощей «Фигурной». Но подходы к высоте находились под непрерывающимся огнем «кукушек». Особенно дурной славой пользовался стоящий на пути пень. Бойцы прозвали его

*Денисов поднял товарища на плечи
и понес его к землянкам*

пнем смерти. Каждого, кто приближался к пню, выводили из строя меткие пули белофинского стрелка. Погиб старшина роты, доставлявший бойцам продукты. Ранили командира взвода. Погибли два бойца, посланные с донесением к комбату.

Кравченко объявил «кукушкам» беспощадную борьбу. Испытанный снайпер, он лично начал готовить сверхметких стрелков в своем батальоне.

Смертный час неуловимых «кукушек» приближался.

Однажды ночью бойцы Денисов и Ермолаев срубили невысокую елку, натянули на нее маскировочный халат и, положив чучело на тропинку, залегли между деревьями, метрах в сорока друг от друга. Две веревки, засыпанные снегом, тянулись от чучела к снайперам. Когда веревка натягивалась, мнимый «разведчик» начинал шевелиться.

«Кукушка» молчала: что-то, видимо, показалось ей подозрительным. Но кравченковские снайперы обладали большой выдержкой. Сорокаградусный мороз не мог сломить их терпения. Они ждали. Час, другой, третий...

И вот, когда бойцам уже начало казаться, что затея провалилась, раздался выстрел с дерева. Ага... Клонуло!.. Веревка натянулась, и «разведчик» зашевелился. Еще несколько выстрелов. И тут «кукушка» попалась! Снайперы разглядели в бинокль почти совсем неприметную голову белофинна, сидевшего на верхушке большой ели, покрытой высокой снежной шапкой... Лицо вражеского снайпера сливалось со снегом.

Еще два выстрела прозвучали в роще, и «кукушка» ско-вырнулась в снег.

Снайперы решили вернуться в землянки. Первым выбрался из укрытия Ермолаев. Как только он поднялся на ноги, раздался выстрел: где-то притаилась вторая «кукушка». Ермолаев вскрикнул и упал.

Денисов бросился было на помощь товарищу, но тут же остановился.

— Спокойно, Виктор!.. Спокойно!..

Ему показалось даже, что не он сам, а капитан Кравченко произнес за него эти слова.

Ермолаев лежал, раскинув руки на снегу... Эх, какой парень был! И что скажет капитан...

Напрягая зрение, Денисов всматривался в верхушки деревьев. Из глубины леса вспыхнули еще два огонька.

— Ага! Вот ты где, гадина...—почти закричал Денисов и тут же нажал спусковой крючок.—Это тебе за друга!..

Осыпая целые облака снежной пыли, белофинский стрелок упал с дерева. Больше выстрелов не было. Тишина. Далеко в стороне слышались лишь глухие разрывы снарядов. Однако Денисов уже не доверял этой тишине. Он осторожно поднял шапку над головой. Нет... Кончено... «Кукушки» мертвы.

Денисов выбрался из-за укрытия и пополз к убитому товарищу.

— Василий,—кликнул он его горестно. И вдруг... Ермолаев зашевелился...

— Вася, жив?

— Жив. Только замерз. Помоги мне...

Да... Вот это была выдержка!.. Денисов поднял товарища на плечи, взял винтовку и, проваливаясь по колена в снег, понес его к землянкам.

Боевая дружба была славной традицией батальона Ивана Кравченко.

НОЧЬ В ВОРОНКЕ

Когда требовалось выполнить особенно важную и поэтому особенно опасную задачу, майор Рослый иногда становился втупик: кому поручить ее—капитану Кравченко или капитану Сороке? Оба они стремились перехватить друг у друга опасное поручение.

Первого февраля седьмая рота батальона Кравченко получила приказ: разведать боем систему огня в укрепленном районе противника. Ротой командовал молодой лейтенант Степанов.

Кравченко, не отрывая бинокля от глаз, следил с наблюдательного пункта за наступлением роты.

У самых надолб финны встретили роту жестоким артиллерийским огнем. Лейтенант Степанов был ранен. Командование принял политрук Петров. Бойцы залегли, но огонь все усиливался...

Оставаться спокойным наблюдателем капитан больше не мог. Он догнал бойцов и вместе с политруком Петровым повел седьмую роту в бой.

С небольшой группой бойцов Кравченко ворвался на высоту. Им сразу пришлось залечь в первой же попавшейся воронке: стальные плиты крепости находились на расстоянии нескольких метров от них. Из амбразур беспрестанными очередями строчили пулеметы.

Финны вели огонь из дота прямо в лоб группе Кравченко. Неожиданно по смельчакам с обоих флангов открыли огонь и неизвестные до сих пор Кравченко огневые точки слева и справа. Из глубины обороны противника загрохотал мощный артиллерийский дот-капонир.

Задача разведки была в сущности выполнена: огневые точки врага обнаружены. Но Кравченко со своими бойцами попал под перекрестный огонь белофиннов, как в железные клещи. Нельзя было продвигаться ни вперед, ни назад. Невозможно было даже голову поднять из воронки.

Прижимаясь к слежавшемуся, обледеневшему снегу, согревая друг друга своим теплом, в воронке лежали капитан Кравченко, политрук Петров, старший лейтенант Квашин, связист Виноградов...

Финны попытались было живыми взять смельчаков, попавшихся в ловушку. Они вылезли из своих окопов, но пулеметный огонь из воронки сейчас же загнал их обратно.

Капитан Кравченко сохранял свои обычные выдержку и мужество. Младший командир связист Андрей Вино-

градов передавал по аппарату приказания капитана артиллеристам, сообщал им пристрелочные ориентиры. Наши орудия начали бить по артиллерийскому доту, по ходам сообщения, по траншеям противника. Это мешало финнам подобраться к воронке.

Виноградов передавал приказания и бережно прятал трубку на груди, чтобы не испортилась от мороза. А мороз становился все злее.

Ночью финны перерезали провод. Напрасно кричал Виноградов в трубку хриплым, лающим голосом. Связь со своими была прервана окончательно.

В эту ночь в воронке никто не спал. Обменивались короткими репликами. Кравченко пытался даже шутить. Но больше молчали, напряженно вглядываясь во тьму. Отгоняли подползавших врагов пулеметным огнем и гранатами.

На командном пункте полка лейтенант Ждан-Пушкин регулярно докладывал майору Рослому о положении отрезанной группы. Капитан Сорока просил разрешения пойти на выручку. Но это означало верную и бессмысленную гибель. Майор запретил.

Бойцы и командиры с волнением ожидали известий о положении смельчаков. Лейтенант Грицак, замещавший в батальоне капитана Кравченко, и командир артиллерийского взвода Курочкин огнем пулеметов и орудий помогали попавшим в беду товарищам. Но путей к спасению не было.

Днем второго февраля финский огонь по группе Кравченко усилился. Потеряв надежду захватить смельчаков живыми, финны решили уничтожить их. Снаряды и мины рвались у самой воронки. Группа Кравченко находилась в кольце непрерывного вражеского огня. Бойцов засыпало снегом, мерзлой землей. Ледяной коркой покрылись их шинели и валенки, стыло сердце, коченели руки и ноги.

Кравченко собрал шесть последних гранат и держал рядом с собой. Живыми решили в плен не сдаваться.

Наступила вторая ночь. Капитан лежал на спине рядом с политруком Петровым. Над воронкой виднелся кусок холодного неба с редкими, колючими звездами.

«Неужели это конец?—думал Кравченко. Вспомнилась семья, дети... Вспомнилось родное село. Батрачонок Ванюша любил собирать на деревьях грациные яйца. Он ловко, как белка, перескакивал с сосны на сосну... с сосны на сосну... Нет, нельзя спать! Нельзя спать, капитан!.. Вот сволочи... Неужели конец?..»

— Политрук,—хриплым шопотом сказал капитан

Живыми решили в плен не сдаваться

Петрову.—Политрук, если меня убьют раньше, сорвите петлицы и уничтожьте партбилет. Чтоб не знали белофинны, что советского капитана убили... Слышите, политрук! Не спите!

И вдруг в воздухе послышался шум моторов. Над воронкой плыли самолеты. Кравченко восторженно вскакивал на колени. Такими близкими показались ему эти машины с красными звездами, эти люди, сидящие у штурвалов!

— Летят!.. Наши летят!.. Веселее, политрук... Ты что загрустил?.. Будем жить, политрук! Еще на твоей свадьбе потанцуем!..

Его товарищи, его бойцы, голодные, полузамерзшие, в тяжелом полусне лежали вокруг него. Виноградов прижался щекой к молчавшему, мертвому ящику аппарата.

А невдалеке один за другим раздавались тяжелые взрывы. Наши летчики бомбили рощу «Фигурную».

Ночь становилась все тревожней. Финны беспрестанно освещали воронку ракетами. В ожидании новой атаки Кравченко не смыкал глаз, не выпускал из рук пулемета. Он напряженно вглядывался во тьму.

Неожиданно капитан услышал хруст снега. Кто-то полз к воронке с тыла. Неужели окружают? Стой!.. Капитан поднял гранату и замер. Он менее удивился бы, встретившись с привидением. Да, собственно, мало чем отличался от привидения весь облепленный снегом человек в белом халате с капюшоном, свалившийся в воронку. Это был командир взвода Иванов. Его прислал майор Рослый. Иванов сообщил капитану, что майор собирается послать на помощь бойцам роту... Каким-то чудом Иванов невредимым дополз до воронки...

Бойцы, сгрудившиеся вокруг Иванова, еле живые, обледеневшие, с надеждой смотрели на капитана.

— Нет,—сказал капитан,—не нужно роты. Рота погибнет. Немедленно ползите обратно. Скажите майору, чтоб никого не посылал. Мы сами выйдем! Да ну-же, быстрее.

Кравченко нахмурил заиндеветые мохнатые брови, и Иванов, знавший капитана, понял, что возражать бесполезно.

Он тяжело вздохнул, перекатился через край воронки и пополз во тьму. На середине поля ракета осветила Иванова, и финский снайпер убил его наповал...

...А Кравченко решил вывести своих бойцов по почти неприметной ложбине, которая извивалась в двадцати метрах от воронки. Это была почти верная смерть. Но дру-

гого выхода не было. Остаться в воронке еще на одну ночь—значило заморозить бойцов.

Капитан принял решение.

— Только бы добраться до лощины, а там можно уползти за надолбы.

Как только начинала стрелять наша артиллерия—финны умолкали. Они выжидали разрыва, а потом открывали свой огонь. Надо было улучшить мгновение между нашим и вражеским огнем, моментально перекатиться через край воронки и ползти.

— Двигайтесь за мной, по одному,—приказал капитан и первым выбрался из воронки...

Они ползли эти несколько метров до лощины в странном полузабытьи, движимые одним стремлением—поскорее добраться до своих. Вот, наконец, и спасительные надолбы. Капитан пересчитал людей. Девять. Где десятый? Услышали стон. Под огнем двое бойцов вернулись назад и на себе принесли раненого.

За надолбами были свои... Обмороженные, почерневшие, в обледеневших, негнибачущихся тулупах и шинелях, добрались к ним десять смельчаков. И здесь силы их оставили. У самого наблюдательного пункта героев встретили капитан Сорока и связной капитана Бодров—«Петька». Кравченко протянул к ним руку, хотел что-то сказать, но упал и потерял сознание.

Его отправили на медпункт, а оттуда—в госпиталь. Командование батальоном принял лейтенант Грицак.

ФЛАГИ НА ДОТАХ

Койка Кравченко стояла у самого окна. Ноги были сильно обморожены. Ныла грудь. Но все это казалось пустяком. Главное—жив! А здорово хорошо жить, читать письма детей, рассказывать о них сестре-дружиннице...

Он лежал без движения, смотрел в лес, на заснеженные мохнатые верхушки елей, на солнце, встающее над лесом, на самолеты, летящие туда, к фронту...

«К фронту... А он?.. Батальон, наверное, ждет его! Небось, и Рослый не раз спросил у Сороки: „Как-то там наш Иван Яковлевич?“...»

Через несколько дней Кравченко надоело лежать. Он соскучился по своим друзьям, по батальону. Он умоляюще смотрел на врачей. Но врачи были беспощадны.

Девятого февраля в госпиталь привезли раненого лейтенанта из батальона Сороки. От него Кравченко узнал, что в ближайшие дни начнется генеральный штурм «линии Маннергейма».

Кравченко давно ждал штурма. Исходное положение было подготовлено. Его батальон давно готов к атаке. Но как же это—атака и без него, без Кравченко?! И капитан впервые нарушил суровую воинскую дисциплину. Этой же ночью он с помощью санитарки тайком покинул палату и бежал из госпиталя. На попутных грузовиках добрался до дивизии и здесь встретил танкиста Кулабухова. Танки Кулабухова шли к позициям полка Рослого.

Кравченко был весь в бинтах, но старший лейтенант без лишних расспросов накормил капитана, посадил его в танк... Ночью 10 февраля Кравченко прибыл в свой батальон.

Полк майора Рослого находился на решающем участке прорыва. Полку пришлось атаковать один из самых сильных опорных пунктов «линии Маннергейма».

Разведка дала майору точные сведения о противнике. На востоке—болото. На западе—озеро. Между этими естественными преградами расположена командная высота с крупным пулеметно-артиллерийским дотом. На востоке от нее несколько дотов, укрытых в роще. На западе—высота с одним из крупнейших дотов оборонительной полосы. Большое число амбразур позволяло дотам вести огонь по ближним и непосредственным подступам, а также обстреливать подступы к соседним точкам. Взаимная огневая связь дотов была полной. Каждый дот имел бронеколпаки для наблюдения. Железобетон покрывался броневыми щитами в тридцать пять сантиметров толщиной. Все белофинские сооружения соединялись траншеями. На одной линии с каждым железобетонным сооружением в глубине земли были расположены блиндажи и убежища.

Перед опорным пунктом белофиннов проходили два заградительных пояса, упиравшиеся в танконепроходимые места. Каждый пояс состоял из нескольких линий надолб, проволочных заграждений, рвов, минированных полей.

И вот эту-то несокрушимую, казалось бы, «линию Маннергейма» надо было прорвать частям 123-й дивизии. И прежде всего—полку Ивана Павловича Рослого, и в первую очередь—батальонам Сороки и Кравченко...

Батальон Кравченко находился на исходном положении для атаки. Командующий батальоном лейтенант Грицак отдавал последние распоряжения. Неожиданно рядом с

Грицаком появился капитан. Он не успел даже заглянуть на командный пункт полка... И от бойца к бойцу пошла весть: капитан вернулся, капитан поведет нас в бой!

...Утро одиннадцатого февраля было пасмурным. Густой туман висел над землей. В нескольких метрах ничего не было видно.

Где-то далеко позади наших бойцов раздался одинокий выстрел тяжелого орудия. Снаряд с гулом пролетел над их головами и разорвался около проволочных заграждений. И началось... Ураган огня. Грохот взрывов. Орудийные выстрелы. Вой и свист пролетающих снарядов... По всему фронту «линии Маннергейма» началась артиллерийская подготовка. В воздухе появились эскадрильи бомбардировщиков. Глухие разрывы тяжелых авиационных бомб выделялись в общем грохоте канонады.

В несколько минут вражеские позиции окутались густыми клубами дыма, а на белофиннов обрушивались все новые и новые тонны металла.

Советские артиллеристы, обманывая противника, несколько раз переносили огонь с переднего края белофинской обороны в глубину вражеских позиций. А в это время батальоны Кравченко и Сороки, продвигаясь ползком по снегу, накапливались на исходных позициях. Отдельные взводы находились уже на расстоянии всего около ста метров от позиций противника: они шли почти вплотную за артиллерийским огневым валом. Осколки снарядов свистели над головами бойцов. Но каждый боец знал, что в укрепленный район врага легче всего ворваться «на хвосте своих снарядов».

Наконец, над командным пунктом дивизии взвилась ракета—сигнал к решительной атаке. Огневой вал вновь передвинулся вглубь, и пехотинцы бросились вперед. По лесам и долинам раздались мощные звуки «Интернационала». По всему фронту пронеслось любимое имя вождя, имя Сталина: бойцы 123-й дивизии пошли в атаку! Загудели танки. Круша проволочные заграждения, они вместе с пехотой устремились в заранее сделанные артиллерией проходы.

Батальон Сороки наступал на высоту 65,5; батальон Кравченко—правее, по болоту Мунасуо,—на рощу «Молоток».

Друзья так и не увиделись перед боем. Ни капитан Сорока, ни майор Рослый не знали о возвращении Кравченко.

Майор Рослый внимательно следил на командном пункте полка за продвижением батальонов. Он видел, как по всему полю битвы не останавливаясь бежали вперед бойцы в белых халатах. На пункте непрерывно трещал аппарат, поступали сообщения:

- Батальон Сороки прошел надолбы.
- Третий батальон ¹ подошел к траншеям.
- Подошли к высоте.
- Захватили траншеи.
- Заняли опушку... Подошли к доту.

Наступая вдоль западного берега болота Мунасуо, батальон капитана Кравченко захватил укрепленный район. Воспитанные капитаном снайперы вели непрерывный огонь.

Кравченко бежал по глубокому снегу. Бойцы ни на шаг не отставали от него, и он повел их в штыковую атаку. Первой ворвалась в укрепленный район 7-я рота лейтенанта Тарана. Командир взвода лейтенант Иван Хватов водрузил над дотом красный флаг. Первый красный флаг над «линией Маннергейма»!

В захваченном доте помещался штаб финского полка. Убегая, финны оставили радиостанцию, секретные карты, документы, письма... Были заняты блиндажи и траншеи. Была занята вся роща «Молоток». Приказ командования капитан Кравченко выполнил.

Через несколько минут был взят дот и на соседнем участке. Над вражеской крепостью поднялся еще один красный флаг. Только выглядел этот флаг как-то странно, форма его была необычной. Этот флаг поднял над дотом красноармеец Сергей Яковлев.

Знамя с портретами Ленина и Сталина политрук вручил Яковлеву еще на исходном положении. Яковлев бежал вперед, сжимая в одной руке винтовку, в другой — знамя. Пуля ударила его по каске, но скользнула, не пробив ее. Яковлев даже не остановился.

«Только бы добежать, — думал он, — только бы добежать!»

Еще одна пуля просвистела рядом. Яковлеву казалось, что все вражеские солдаты целятся в него, бойца, которому доверено знамя. Люди, бегущие рядом с ним, часто вскидывали винтовки, прицеливались и стреляли. Но он бежал не останавливаясь. Он бежал впереди всех, в руках у него было знамя.

«Только бы добежать, только бы добежать, только бы добежать...»

¹ Третий батальон — батальон Кравченко.

Упал бежавший рядом с Яковлевым товарищ его и односельчанин, запевала и баянист Слесарев. Но задержаться возле друга Яковлев не мог. Он догнал политрука Шиндакова. Немолодой политрук, задыхаясь от мороза и быстрого бега, посмотрел на Яковлева, улыбнулся, махнул рукой вперед и... упал.

Яковлев нагнулся над ним. Шиндаков был ранен осколком мины. Боец с тоской посмотрел на политрука и опять побежал, обгоняя товарищей. И снова рядом с ним падали бойцы. А он все бежал вперед, точно флаг придал ему какую-то особую неуязвимость.

Перед самой крепостью роту встретил ожесточенный пулеметный огонь. Яковлев почувствовал резкий удар по руке и толчок в грудь. В глазах у него помутилось, пальцы разжались. Флаг выпал. Рукав и пола халата сразу окрасились кровью. Но он не хотел думать о смерти. Он посмотрел на поле боя. По всему полю бежали вперед бойцы в белых халатах. Падали. Поднимались. Опять падали. Роты шли под огнем и ждали, когда он, Яковлев, водрузит знамя, врученное ему политруком. И тогда, собрав последние силы, боец вскакивает в траншею, срывает рукав и полу своего халата, пропитанные кровью... и красное боевое знамя взвивается над крепостью противника.

...Роща «Молоток» была занята батальоном Кравченко в 12 часов 25 минут.

Комбат Сорока, узнав об этом, порадовался за батальон друга и пожалел, что друг его, капитан Кравченко, в госпитале, а не со своим батальоном... Через три минуты выполнил свою боевую задачу и капитан Сорока.

На командном пункте полка майор Рослый подошел к аппарату.

— Комбат три сообщает, что задача выполнена.

— Поздравляю, лейтенант.

— У аппарата капитан Кравченко.

— Бросьте шутить, лейтенант... Кравченко в госпитале.

— Я в батальоне, майор!

Тут уж у майора не нашлось слов. Ну и Кравченко! Удружил! Какие ребята... Какие замечательные командиры у него в полку! Надо было бы поругать капитана за бегство из госпиталя. Но... победителей не судят! И весь этот день теплая улыбка не сходила с лица майора.

А Кравченко вел свой батальон дальше. Его бойцы вышли к южной опушке рощи «Фигурной». Путь здесь был прегражден глубоким противотанковым рвом.

Батальон Кравченко проник в глубь расположения белофиннов. Другие батальоны отстали. С обоих флангов — враги. На беду была потеряна связь с Рослым и соседями.

Командир девятой роты, молодой лейтенант, разгоряченный боем и победой, хотел было двигаться дальше. Но капитан сурово осадил его. Белофинны могли заманить батальон в ловушку и отрезать от своих.

Ложное геройство привело бы к бесцельной гибели десятков бойцов. Надо было действовать спокойно и расчетливо. Кравченко вместе со своим помощником лейтенантом Грицаком детально обсудил создавшуюся обстановку. Было решено закрепиться на захваченном рубеже и организовать круговую оборону.

Бойцам комбат приказал рыть окопы. Кроме непосредственных целей обороны здесь было одно дополнительное и очень важное соображение: мороз становился все злее. Работой надо было согреть бойцов.

Эта работа была не из легких. Мерзлая земля, переплетенная корневищами, не поддавалась лопатам. Вскоре крупные капли пота потекли по лицам бойцов.

Связной капитана «Петька» втайне негодовал на своего «Чапаева». Он сочувствовал горячему лейтенанту: такая замечательная победа, а тут копайся в земле, точно крот! Однако «Петька» вместе с другими добросовестно работал лопатой.

Наконец, бойцы засели в окопы. Сюда же спустили и пулеметы. Ничего не осталось на поверхности, на снегу. Капитан ждал финской контратаки. И он не ошибся.

Ночью из лесу показались белофинны. Они крадучись, медленно двигались вперед, почти незаметные на снегу.

В напряженной тишине батальон ждал приближавшихся белофиннов. Их было несколько сотен. Они надвигались и справа и слева. Вот они подошли на расстояние 100 метров... 90 метров... 80 метров...

— Товарищ капитан, — порывисто зашептал «горячий» лейтенант, — разрешите открыть огонь.

— Отставить, — сердито, но тихо ответил Кравченко. — Ждать моего приказа!

70 метров... 60 метров... Враги почти рядом.

— Товарищ капитан, — тревожно передавал по телефону командир седьмой роты, — я открываю огонь!..

— Отставить! — прошипел в трубку Кравченко. — Ждать моего приказа!

50 метров... 45 метров... Еще момент, и белофинны обнаружат окопы. 40 метров...

— Пулеметы на площадку! Огоны!

И земля полыхнула огнем. Лавина огня обрушилась на ошеломленного противника. Сотни ракет взлетели в небо, превратив темную ночь в яркий, ослепительный день. Одна за другой взрывались гранаты. Заговорили все пулеметы и винтовки. Загрохотала батальонная пушка.

С криком и воем, оставляя сотни трупов на снегу, белофинны повернули назад. Контратака была отбита с жестоким уроном для врага.

Последняя ракета с треском взвилась в воздух... Бодров с уважением посмотрел на своего «Чапаева». Рябоватое лицо капитана было спокойно и сурово.

В течение ночи батальон отбил еще четыре контратаки. Четыре белофинских батальона находились на этом участке. Они потеряли здесь в эту ночь свыше пятисот человек. Батальон Кравченко неизменно удерживал рошу и, угрожая флангу противника, оттягивал силы от продвигающегося вперед батальона капитана Сороки.

Батальон Сороки подошел к утру. Комбаты крепко, безмолвно обнялись.

В этот же день батальоны Сороки и Кравченко взяли рошу «Фигурную». В этот же день дивизия узнала о том, что Верховный Совет наградил ее орденом Ленина. И в этот же день в дивизии родилась песня, которая поплыла от роты к роте, от взвода к взводу, от бойца к бойцу. Песня о дружбе и мужестве, песня о двух комбатах героях.

Два друга, два славных отважных героя
Вели батальоны свои,
Железные роты вели за собою
На штурмы, в атаки, в бои.

Была нестрашна огневая дорога
И смерти грядущей снаряд,
Когда с нами рядом шагал наш Сорока,
Отважный, любимый комбат.

Пел песню о славе, о подвигах ветер,
Был каждый в боях закален,
И Кравченко вел от победы к победе
Громящий врага батальон.

И песня плыла и вздымалась над строем,
Над шквалом атак огневых
О двух капитанах—отважных героях,
О славных друзьях боевых.

И с песней победы, рожденною в ротах,
Шли в схватку, отваги полны.
И алые флаги вздымались на дотах—
Знамена Советской страны.

Два друга, два славных, отважных героя
Вели батальоны свои,
Железные роты вели за собою
На штурмы, в атаки, в бои...

— Слышал?—спросил капитан Сорока капитана Кравченко, прощаясь с другом после привала.—Слышал песню?

— Неплохая песня,—усмехнулся комбат.

Так рождалась боевая слава.

...Это была последняя встреча двух друзей. На другой день бесстрашный капитан Сорока был убит.

Кравченко не хотел этому верить. Он сжал зубы, на мгновение прижал руку к груди и... повел дальше свой боевой батальон...

НА ПОДСТУПАХ К ВЫБОРГУ

Батальон продвигался вперед с непрерывными боями. Противник, разгромленный на «линии Маннергейма», оказывал упорное сопротивление нашим частям на новых опорных пунктах. С боем приходилось брать каждую высоту.

Большую помощь батальону оказал в те дни молодой артиллерист-разведчик Федор Бабаченко. Кравченко полюбил его, как брата.

В один из февральских дней батальон подошел к высоте, поросшей густым сосновым лесом. Высота была хорошо укреплена. Сплошными рядами стояли высокие гранитные надолбы. За надолбами и валунами притаились финские стрелки. Взять высоту в лоб было невозможно.

— Действуйте, лейтенант,—сказал капитан своему молодому товарищу,—без ваших «гостинцев» здесь не обойдется!

Бабаченко понимал капитана с полуслова. Захватив аппарат, он пополз к высоте. Его сейчас же начали обстреливать белофинские снайперы. Одна пуля ударила в кобуру револьвера, другая просвистела у самого уха. Он замер, притворился мертвым, выждал и опять пополз.

Свои остались далеко позади. Бабаченко был один, совсем рядом с врагом. Один? Нет! Лейтенант знал, что капитан Кравченко следит за каждым его движением. Он знал, что сердце капитана Кравченко в эти минуты так же взволнованно бьется в груди, как его собственное.

Лейтенант вырыл ямку за большим валуном. Распластавшись на снегу, он прижимался губами к телефонной трубке. Артиллеристы напряженно слушали его приказания.

Залп... Снаряды падают за высотой. Поправка... Залп. Снаряды падают совсем близко у высоты. Осколки металла и бетона ударяют в валун, за которым лежит лейтенант. Бабаченко доволен. Корректируя стрельбу, он подводит огонь почти на себя. Залп... Залп... Залп. Его осыпает землей, камнями, осколками «собственного» валуна.

— Бедовый...—с тревогой и восхищением думает, покачивая головой, капитан Кравченко.—До чего бедовый. С огнем играет!

Но Бабаченко верит в меткость своих батарейцев. Он лихорадочно стряхивает с лица снег, землю, каменную пыль и, почти вдавливая трубку в землю, отдает новые приказания.

Залп!.. Залп!.. Залп!..

Уже разбит один финский блиндаж. Другой. Третий. Глаза Бабаченко блестят. Сердце стучит непрерывными очередями. Мокрое лицо, иссеченное каменными осколками, совсем почернело от грязи. Тонкие струйки крови стекают со лба.

Он следит за разрывами и опять принимает губами к трубке.

— Знаменито работаешь, артиллерист! Ну, переноси теперь огонь в глубину!..

Бабаченко подымает голову и вдруг видит знакомое дружеское лицо, теплые, смеющиеся глаза капитана Кравченко. За комбатом по всей ложине ползут бойцы.

— Помог, лейтенант!—говорит Кравченко.—Здорово помог!

— Ложитесь, капитан,—кричит Бабаченко.—Здесь наша артиллерия бьет! Вот рискованный вы человек...

Капитан усмехается... Ему хочется сказать лейтенанту какие-то особые, ласковые слова... Но времени для дружеских излияний нет. Огонь перенесен в глубину, и начинается сокрушительная атака пехотинцев кравченковского батальона... Федор Бабаченко бросает свой командный пункт и бежит с пехотинцами вперед рядом с командиром батальона капитаном Кравченко.

...Продвигаясь вперед, наступая на опорные пункты белофиннов, батальон капитана Кравченко не раз заходил во фланг противнику. Кравченко давно понял преимущество этого маневра перед лобовой атакой, и победа давалась

ему малой кровью. Он берег своих бойцов, заботился о них. И бойцы отвечали ему тем же.

После захвата селения Ляхде полк майора Рослого вместе с танками вышел к станции Кямья. Дорога к станции была сплошь минирована. Два танка, вырвавшиеся вперед, тут же вышли из строя. Движение танков было задержано, но батальон Кравченко получил приказание наступать на станцию.

Кравченко стремительно ворвался в Кямья.

Готовясь к отступлению, белофинны подожгли станцию, но не успели уничтожить вооружение и боеприпасы. Батальон захватил до миллиона патронов, большое количество обмундирования и снаряжения. Были взяты в плен финские саперы. Они должны были взорвать станцию, но не успели.

Батальон Кравченко занял оборону за станцией. У многих бойцов от новой большой победы несколько кружились головы. Но капитан был спокоен, как всегда. Расположив свои роты, он приказал бойцам далеко в стороне разжечь несколько костров. Кравченко готовился к посещению незваных гостей. И, действительно, ночью в воздухе зашумели моторы финского самолета. Покружившись над станцией, самолет сбросил бомбы на костры и улетел... Бойцы, отдохнувшие вдали от костров, посмеивались и хвалили своего хитрого «Чапаева».

— Ну и дали финны жару нашим кострам!—ухмылялся «Петька».

А Кравченко, обследуя местность, набрел на превосходную баню, неизвестно каким чудом уцелевшую от снарядов. Судя по листовкам и прокламациям здесь помещался финский штаб, но печь и котел были в полной исправности. В печах финны разбирались неплохо. Печи здесь складывались знаменитые. И Кравченко, как только увидел котел, решил устроить себе праздник по поводу взятия Кямья.

Вместе с «Петькой» истопил он баньку финскими прокламациями. А тут и командир полка майор Рослый явился. Увидев пар, идущий от котла, Рослый понимающе подмигнул капитану. Отложили временно командиры свои дела, крепко прикрыли двери и вскоре исчезли в облаках пара. Так «отпраздновал» комбат свою крупную победу над врагом.

...123-я дивизия продвигалась к Выборгу. На подступах к городу предстояли новые серьезные бои.

18 февраля в 12 часов батальон капитана Кравченко, действуя в головном отряде дивизии, достиг опушки рощи. Здесь пехотинцы были встречены яростным огнем. Разведка и наблюдение установили, что силы противника были значительны.

Командир дивизии полковник Алябушев приказал атаковать противника двумя батальонами полка Рослого. Но атака была отбита. В наших батальонах было много убитых и раненых.

Роты залегли у самых надолб. Сюда подползли командир дивизии Алябушев и командир полка Рослый. Вдруг совсем рядом с командирами разорвался снаряд.

«И чего лезут под огонь,—сердито думал Кравченко.— Разве это их дело!..»

Оставив всякую субординацию, он сурово предложил командирам спрятаться в воронку. Он знал, что жизнь командиров слишком дорога, чтобы отдавать ее под удар шальной пули. Командиры беспрекословно подчинились требованию капитана и, лежа в воронке, склонились над схемой наступлений, которую набросал Кравченко.

Однако наступление велось медленно. Приходилось с боем брать каждый клочок земли.

19 февраля наши роты начали теснить противника. В 100 метрах от финских позиций Кравченко из маленького окопчика следил за продвижением своего батальона, когда к нему подполз помначштаба полка капитан Коваленко.

— Приказ командира полка: развивать успех...

Капитан Коваленко не успел договорить. Удар. Разорвался снаряд. Перед глазами Кравченко все поплыло. Когда капитан пришел в себя, руки и лицо его были в крови, но никакой боли он не испытывал. А рядом лежал Коваленко с разбитой головой. Это его кровь была на лице у Кравченко.

Капитан потерял все свое спокойствие.

— Ах, черти!.. Ах, сволочи!..

Кравченко выскочил из окопа. Что-то сразу же толкнуло его в грудь, острая боль пронизала все тело. Но он бежал вперед. К ротам... В атаку! А халат уже багровел от крови.

— Вы ранены, товарищ комбат,—закричал в ужасе «Петька».

Кравченко внезапно остановился, тускнеющими глазами посмотрел вперед на атакующую роту и упал.

Лейтенант Бабаченко нагнулся над ним. Кравченко что-то шептал. И последние слова его были такими же деловыми и будничными, как всегда:

— За меня... остается... Грицак...

Бабаченко приказал увезти комбата. Он хотел сам отправить его, но не мог уйти с поля боя... А «Петька» раздобыл узкую финскую лодочку, положил на нее безжизненное тело капитана и, не обращая внимания на пули, сам почти без чувств от горя, повез своего «Чапаева» в тыл.

...Из блиндажа, в котором помещался командный пункт полка, выскочил Рослый. Он уже знал о случившемся несчастье. Майор подбежал к своему боевому другу. Он нагнулся над лодкой, долго смотрел на капитана, потом тихо поцеловал его в лоб. И вдруг капитан открыл глаза и чуть заметно улыбнулся, узнав майора.

— Жив, жив,—закричал Рослый. Голос его даже дрогнул от волнения.—Еще поживем, капитан, еще повоюем...

И он долго смотрел вслед санитарам, увозящим лодочку, легко скользящую по снегу.

Земля опять поплыла перед глазами капитана, и елки почему-то вздымались над ним корнями вверх. Это было странно, необычайно странно... Комбат глубоко вздохнул и больше уже ничего не видел...

ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ

18 апреля 1940 года Герой Советского Союза капитан Кравченко вернулся из госпиталя в полк.

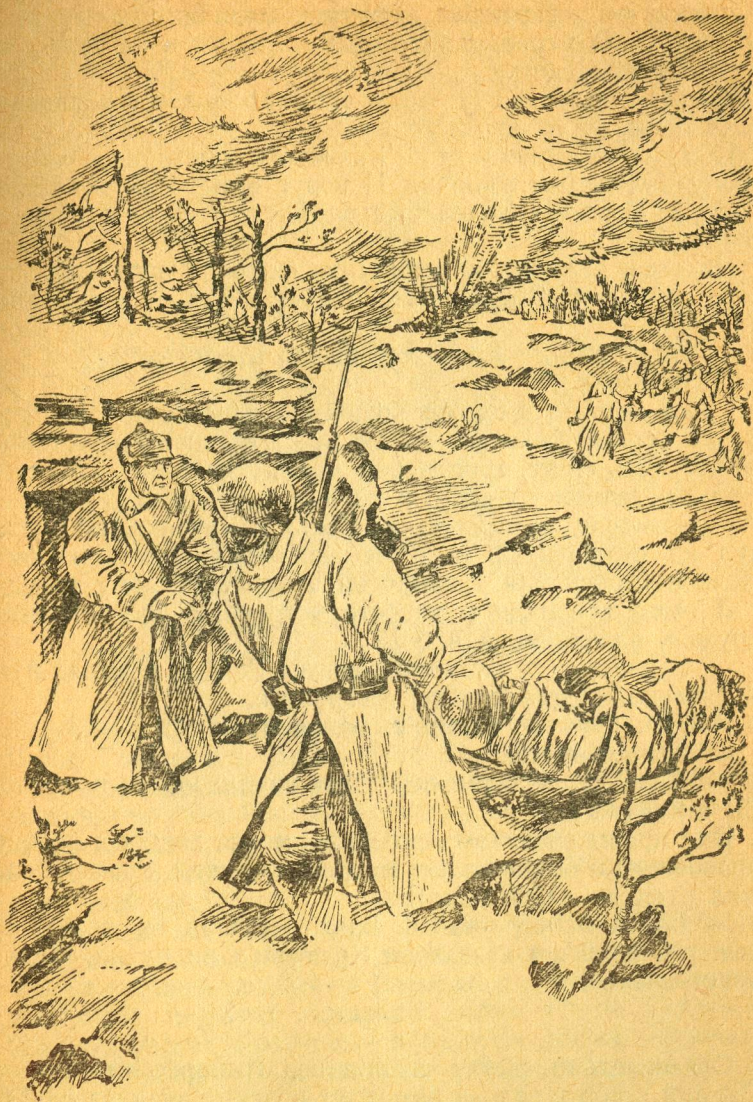
Кравченко ехал из Ленинграда в Выборг поездом. Он смотрел в окно. Весеннее солнце растопило снега, и неузнаваемы были те места, где сражались его боевые роты, места, обильно смоченные горячей кровью его бойцов.

... Станция Кямяря...

Да... Как недавно и как давно это было!..

Маленький домик с высокой трубой мелькнул мимо окна вагона... Баня... Да это же та, знаменитая баня! Кравченко необычайно остро захотелось поскорей увидеть Ивана Павловича Рослого, друзей-командиров, бойцов, «Петьку»...

Но Рослый находился в Москве. Капитан Кравченко, назначенный помощником командира полка, с первых же дней стал командовать полком. А дни стояли горячие. Шла подготовка к первомайскому параду.

Майор подбежал к своему боевому другу

Вначале как-то непривычно было возвращаться к будничной учебе, строевым занятиям, маршировке. Будто и не было этих суровых дней войны... будто и не было той воронки перед дотом...

Но все это было... И бойцы стали иными, и сколачивать полк было легче во много раз.

В яркий весенний день Кравченко построил полк на плацу над самым заливом. И вдруг в воротах показался Рослый. Издалека виден был блеск золотой звездочки на его груди.

Никогда, кажется, капитан Кравченко не испытывал такого волнения. Старый боевой друг... Как он соскучился по нему!..

— Полк, сми-и-рно!—скомандовал Кравченко.

Полк замер.

Через весь плац пошел Кравченко навстречу командиру полка четким, сильным шагом прирожденного пехотинца. И вот они стоят друг перед другом на плацу, залитом ярким весенним солнцем, и на них смотрит весь полк.

— Товарищ майор,—начал было Кравченко, но взглянул на петлицы друга и осекся...—товарищ полковник! Полк построен для тренировки к первомайскому параду!

А глаза говорили о радости встречи, о мужественной дружбе, проверенной в боях...

— Здравствуйте, капитан,—сказал Рослый и пожал руку Кравченко.—Здравствуйте, товарищи!..

И полк дружно, одним выдохом ответил:

— Здравствуйте...

— А теперь, капитан, передайте командование начштаба. Вы мне нужны.

Они прошли вдвоем через плац, молча вошли в кабинет полковника и остановились посреди комнаты. Рослый положил руки на плечи капитана.

— Вот и повстречались, Ваня...—сказал он тихо. Первый раз в жизни назвал он Кравченко по имени.—Вот и повстречались...

Ослепительно светит солнце над Выборгским заливом. Свежий ветер с залива развеивает красные знамена над домами старого города Выборга.

Торжественным маршем выходят на первомайский парад части 123-й дивизии. Впереди дивизии краснознаменный полк, а впереди полка Герой Советского Союза

*Герой Советского Союза капитан Кравченко
принимает орден Ленина из рук всесоюзного старосты*

полковник Иван Павлович Рослый. Рядом с Рослым—Герой Советского Союза Иван Яковлевич Кравченко.

А через несколько дней полковник Рослый прощается со своим полком. Рослый с грустью пожимает руки старым друзьям. Новая большая работа ждет его.

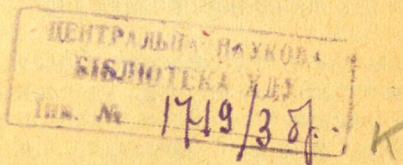
...И опять собираются части дивизии на большую выборгскую площадь.

Председатель Верховного Совета Союза ССР Михаил Иванович Калинин вручает дивизии орден Ленина, вручает ордена славным ее бойцам. Впереди дивизии краснознаменный полк, и новый командир полка—Герой Советского Союза капитан Кравченко принимает орден Ленина из рук всесоюзного старосты.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
«Начальник боевого арсенала»	3
Дважды чемпион	4
На Львов!	6
Боевые друзья	8
Ночь в воронке	13
Флаги на дотах	17
На подступах к Выборгу	24
Друзья встречаются вновь	28

Редактор Н. Толченова

Иллюстрации выполнены художником Н. Шмелевым

Тираж 100 000 экз. Подписано в печать 30 мая 1941 г. А 37856. 2 п. л. 38 000 зн.
в 1 п. л. 1 1/2 авт. л. Зак. 255. Цена 25 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

